

Александр
ДОМОГАРОВ:

"В нашей жизни все зависит от случая"

Александр Домогаров - фигура известная, и, как выяснилось, не только в России, но и за рубежом... Внекогда братской для нас Польше он давно превратился чуть ли не в национального героя, а откритки с его изображением не перестают раскупаться местными поклонниками. В последнее время он и сам не понимает, где больше проводит времени: в Москве или Кракове, и появляется в родном городе, как на гастролях. Но это не мешает известному артисту время от времени "светиться" на экране и появляться в образах героев-одиночек. Так было с "Графиней де Монсоро", "Бандитским Петербургом" и "Маршем Турецкого".

- Пятнадцать лет назад вам могло прийти в голову, что все так успешно сложится?

- Я никогда не задумывался всерьез о популярности и никогда не представлял себя в роли Онегина или Гамлета... Правда, грешил другим: когда учился в театралке, считал себя гением. Но эта мысль ушла сразу, как только переступил порог профессионального театра: я пришел после училища в Малый театр и сразу понял, кто я такой... Во всяком случае, налет гениальности слетел моментально, когда увидел настоящих профессионалов на сцене.

- Но что-то вас поставило в один ряд с ними...

- Только его величество Случай: можно землю под собой вырыть, но если к тебе лицом не поворачивается судьба или ты ее не замечаешь, то об успехе можно забыть навсегда. Иногда из-за незначительного на первый взгляд случая зависит все будущее, порой даже можно не знать, из-за какого именно. Так было со мной в театре Советской Армии, где я проработал одиннадцать лет, играя все главные роли, и при этом был никому не нужен, хотя играл на том же уровне, что и теперь... Также последний фильм "Гардемаринов..." с моим участием прошел незамеченно; после "Монсоро..." обо мне вообще забыли... Широкий зритель узнал меня по небольшой роли в другом фильме, где я сыграл гомосексуалиста. Вот после этого обо мне заговорили...

- А какой случай привел вас к режиссеру Анджео Вайде?

- Три года назад я начал сниматься в польском фильме "Огнем и мечом". Этот фильм раскручивали так, что у меня волосы вставали дыбом: в каждой газете расписывали по дням, что происходит на съемках, делались цветные фотографии, глянцево-обложки; снимались телевизионные программы о фильме и обо мне, и к моменту выпуска картины каждый человек счел для себя нужным сходить в кино-театр и посмотреть на Домогарова.

- Но говорят, что русских в Польше не любят.

- Меня это не коснулось никак: такого обожания я не видел нигде и за короткое время сумел стать у них национальным героем... Потом уже было приглашение в спектакль "Макбет", где пришлось играть на польском, а потом появился Вайда...

- Неужели, чтоб сыграть Макбета, надо было заговорить по-польски?

- А здесь мне такой роли не предлагали...

- Может быть, дело не столько в роли, сколько в размере гонорара?

- Я об этом не думал и не знал, сколько мне заплатят, соглашаясь на "Макбета"... Прежде всего думал о профессионалах, которые собирались его ставить: Вайда, Агнешка Холланд, - в итоге никто из них так и не смог приступить к ра-

боте, поскольку Вайда уехал к себе в Голливуд, а Холланд в принципе хотела работать в негритянских племенах, где еще остались такие взаимоотношения, с единственной белой актрисой Шэррон Стоун, которая бы играла леди Макбет. Поэтому за спектакль взялся совсем другой режиссер, но сделал его блестяще.

- Было сложно работать на чужой сцене?

- Сложно привыкнуть к обстановке, которая царит в зале: российский зритель очень сильно отличается от западного и более естественно реагирует на ситуации: смеется, плачет, о чем-то задумывается. У них этого нет: иногда я совершенно не мог понять, почему в зале в неподходящий момент смеются, думал, может быть, что-то делаю не так или ошибаюсь в словах, но оказалось - это пришли дети посмотреть на Домогарова...

- ...А при чем здесь дети?

- Потому что Домогаров - это бог... Они видели "Огнем и мечом", и им хочется увидеть и потрогать пальцем живого бога, а потом всем рассказывать, что он на самом деле живой... Вот когда привезли в Польшу наш спектакль, где я играю Нижинского, для меня наступил рай: я - на русском, они - с наушниками. Мне без разницы, слушают они перевод или нет, самое главное - я понимаю, что делаю!

- Западные актеры так же радикально отличаются от русских, как и публика?

- Артисты во всех странах - одинаковые: Брандаур как-то пришел на съемки и, пока не было режиссера, достал бутылку виски... Но тут появился режиссер... и, чтобы не показать спиртного, он - Клаус Эрих Мария Брандаур! - с помощью каких-то немудримых манипуляций прячет бутылку от какого-то рядового режиссера! У нас происходит то же самое: будь ты каким угодно гением, но в присутствии режиссера обязательно будет та же реакция.

- В вашей квартире в Кракове есть какое-то напоминание о России?

- Прежде всего это наши фильмы: "Любовь и голуби", "Белое солнце пустыни", "Собачье сердце", "Свой среди чужих..."

- Наверное, на Западе не смотрят наши картины?

- Ничего подобного! Их фильмы действительно зрелищны, но был период, когда и мы снимали гениальное кино - Россия считалась одним из главных поставщиков качественной продукции... Сейчас мы отстаем чисто технически.

Когда я работал в Швеции, то видел, как они писали звук к фильму: за один день, в двух комнатах, где стояла пара компьютеров и телевизор... Они говорят: "Нам не надо, чтобы ты попадал в губы, - это наша проблема..." Они просто вырезают куски звука, а потом подгоняют точно в смык. У нас

такое невозможно, поэтому приходится прилагать гораздо больше усилий, чтобы получилось качественно.

Тем не менее на Западе нас смотрят. Но, к сожалению, сегодня у нас никто, кроме Михалкова, не снимает больших картин, и поэтому нас не знают в Америке... Мы не отпускаем денег на "раскрутку", в то время как в западных фильмах деньги на это предусмотрены бюджетом картины... Если у них картина стоит, предположим, миллион, то пятьсот тысяч отводится на рекламу. Поэтому Машков, снявшийся уже в трех шикарных фильмах, несмотря на талант, на Западе известен лишь режиссерам, а не широкому зрителю...

"После "Графини де Монсоро" обо мне вообще забыли"

- Правда, что вас пригласил во МХАТ Олег Табаков?

- Мы вели переговоры, но я остался актером Театра Моссовета. Я понимаю, что это очень лестное предложение, очень серьезный театр, но, соглашаясь на него, я попадаю в очень неприятную для себя ситуацию: помимо ролей в новых работах мне предлагалось войти в старый спектакль и заменить одного из актеров. Я считаю, что это просто неэтично: нельзя начинать работу на новом месте с подобных поступков, а потом презирать себя за это.

- А то, что в вашем театре у вас до сих пор нет зва-

ния, не играет никакой роли?

- Информация устарела: вот уже две недели, как я получил звание заслуженного артиста России.

- И тем не менее наград у вас немного, а вот как самый сексуальный актер премию вы все-таки получили... При отсутствии остальных регалий подобная формулировка не оскорбляет?

- Нисколько: это была премия за лучшую мужскую роль, только почему-то ее решили "обозвать" именно так. "Секс-символ" - тоже неплохо...

- Почему бы вам как "символу" не махнуть в Голливуд?

- "А чой-то не зовут особливо!" Ничего, ничего: придет время, доеду и туда... А если серьезно, то картина Хофмана, в которой я снимался, должна была быть выдвинута на "Оскара", но из-за его сумасшедшего характера ничего не получилось. Тем не менее я считаю, что мне очень повезло, раз в моей жизни появились экстер-профи, как Вайда и Хофман. Когда Вайда пришел смотреть "Макбета", то у артистов был шок. Он вошел в зал при погашенном свете, посмотрел спектакль и вышел в полной темноте... Вообще западные режиссеры охреневают от нашей трудоспособности.

- А русские?

- Наши театральные режиссеры слишком мало могут мне предложить.

- Значит, основные ставки делаются на кино и сериалы?

- Я не ставлю знака равенства между сценой и кино. Если кто-то хочет понять, что такое актерская профессия, то надо пойти поработать в сериал. Для меня великое счастье, что я работал с Владимиром Ильиным - такие партнеры даруются раз в жизни. Все, что в "Турецком..." видно на экране, - этого и в помине нет в сценарии: все выдумывается на ходу, отыгрывается и тут же забывается...

Если бы не было ролей в кино, то никто бы не пошел на меня смотреть в театр. Пока все, что со мной происходит, меня устраивает, и если какое-то время все так и продолжится, то я буду счастлив...

- При том, что у вас не так много ролей в театре?

- На сегодняшний день в месяц я играю пятнадцать спектаклей: это не так мало! При этом успеваю сниматься в кино и таким образом обеспечиваю сборы в театре.

- Кино в каком-то смысле заменяет вам грамотную рекламу?

- Участие в фильмах дает мне некоторую свободу и возможность не соглашаться на утренние сказки, чтобы играть "седьмого стражника слева", чем я и занимался в Театре Советской Армии и в Малом театре.

Теперь я могу прийти к главному режиссеру театра и сказать: "Вот эта пьеса, которую вы мне дали почитать, мне не нравится, и поэтому я ее играть не буду". Это право мне дало участие в кино. В этом состоит двойная сторона популярности: с одной стороны - это огромная ответственность за проделанную работу, а с другой - право выбора и возможность делать то, что хочется, а не то, что заставляют.

Татьяна
РОМАШЕНКОВА

Домогаров Александр
10 января 2001 г., № 2 (22792)

ПЕРСОНА

10.01.2001